

Уильям Шекспир

Ромео и Джульетта. Сонеты

В переводе Юрия Лифшица

Уильям Шекспир

**Ромео и Джульетта. Сонеты.
В переводе Юрия Лифшица**

«Издательские решения»

Шекспир У.

Ромео и Джульетта. Сонеты. В переводе Юрия Лифшица /
У. Шекспир — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851302-2

Настоящий перевод шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта», выполненный поэтом Ю. Лифшицем, отличается свежестью трактовки, изящным слогом и глубоким проникновением в оригинал. В переводах сонетов Шекспира Ю. Лифшиц показал высокую переводческую культуру, передав и основной смысл, и главные особенности оригинала. При этом переводчик не потерял естественности и красоты звучания русского текста. При оформлении обложки использована картина английского художника Фредерика Лейтона (1830 — 1896).

ISBN 978-5-44-851302-2

© Шекспир У.
© Издательские решения

Содержание

Ромео и Джульетта	6
Действующие лица	6
Пролог	7
Акт первый. Сцена первая	8
Акт первый. Сцена вторая	15
Акт первый. Сцена третья	18
Акт первый. Сцена четвертая	21
Акт первый. Сцена пятая	25
Пролог	30
Акт второй. Сцена первая	31
Акт второй. Сцена вторая	33
Акт второй. Сцена третья	39
Акт второй. Сцена четвертая	42
Акт второй. Сцена пятая	47
Акт второй. Сцена шестая	50
Акт третий. Сцена первая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ромео и Джульетта. Сонеты В переводе Юрия Лифшица

Уильям Шекспир

© Уильям Шекспир, 2017

ISBN 978-5-4485-1302-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ромео и Джульетта

Действующие лица

ЭСКАЛ, принц Вероны.
ПАРИС, юный джентльмен, родственник принца.
МОНТЕГЮ, КАПУЛЕТТИ, главы двух враждующих домов.
ДЯДЯ КАПУЛЕТТИ.
РОМЕО, сын Монтегю.
МЕРКУЦИО, родственник принца, друг Ромео.
БЕНВОЛИО, племянник Монтегю, друг Ромео.
БРАТ ЛОРЕНЦО, БРАТ ДЖОН, монахи-францисканцы.
БАЛЬТАЗАР, слуга Ромео.
САМСОН, ГРЕГОРИ, слуги Капулетти.
ПЕТР, слуга кормилицы.
АБРАМ, слуга Монтегю.
АПТЕКАРЬ.
ПАЖ Париса.
НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ.
ЛЕДИ МОНТЕГЮ, жена Монтегю.
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ, жена Капулетти.
ДЖУЛЬЕТТА, дочь Капулетти.
КОРМИЛИЦА, няня Джульетты.
ГОРОЖАНЕ, РОДСТВЕННИКИ обеих семей, МАСКИ, СЛУГИ, СТРАЖА и ПРИ-
ДВОРНЫЕ.
ХОР.

Место действия – Верона и Мантуя (в пятом акте).

Пролог

Входит ХОР.

ХОР. Два славных, но враждующих семейства
В Вероне, что построил бутафор,
Втянули граждан в новое злодейство,
И те схватились было за топор.
Но отпрыски двух кланов полюбили
Друг друга под влияньем высших сил,
Когда злой рок, толкнув детей к могиле,
Родительскую свару прекратил.
Всеи их любви трагической течение,
Их смерть из-за ошибки роковой,
Отцов их безутешных примиренье
Покажем в пьесе мы двухчасовой.
 Чтоб вам ее прослушать без помехи,
 Игрой мы залатаем все огрехи.

(Уходит.)

Акт первый. Сцена первая

Верона. Городская площадь.

Входят САМСОН и ГРЕГОРИ.

САМСОН. Уж я-то слюни распускать не буду.

ГРЕГОРИ. Ну да, иначе ты носил бы слюнявчик.

САМСОН. Я тебе не какой-нибудь слюнтяй: в случае чего задавлю.

ГРЕГОРИ. Будешь задаваться, тебя самого где-нибудь случайно удавят.

САМСОН. Кто меня тронет, сразу схлопочет.

ГРЕГОРИ. Только вот стронуть тебя – довольно хлопотно.

САМСОН. Пусть только попробует какая-нибудь собака Монтегю укусить меня.

ГРЕГОРИ. Когда укусит, поздно будет. Смелчак в самом деле не скуксится и перед самым кусачим псом. А ты, мне кажется, покажешь спину, завидев псину. Даже дворовую.

САМСОН. Когда я что-то показываю, то отнюдь не спину. Если же меня облает кто-нибудь из дворни Монтегю, как выскочу из-за угла, – все их мужики и девки будут у меня искать пятый угол.

ГРЕГОРИ. Только слабаки нападают из-за угла. Значит, ты слабак.

САМСОН. Разве я похож на девку? Девки действительно создания слабые, поэтому их и лапают по углам. А я мужиков Монтегю в угол загоню, а девок – прижму в углу.

ГРЕГОРИ. Когда господа дерутся, слугам встревать не след. А девки тут вообще ни при чем.

САМСОН. Плевать мне на это. Я им всем устрою: сперва мужиков проткну, потом девок.

ГРЕГОРИ. Проткнешь девок?

САМСОН. Девок или девкам. Как хочешь, так и думай.

ГРЕГОРИ. Пусть девки думают, хотеть им или нет, если что-нибудь почувствуют.

САМСОН. Меня они будут чувствовать до тех пор, пока я сам не упаду без чувств. Да ведь и мяса кус не завалящий.

ГРЕГОРИ. Мясо лучше: рыба давно завялилась бы в штанах. Кстати, вот идет парочка дворняг Монтегю – показывай, что хотел.

Входят АБРАМ и БАЛЬТАЗАР.

САМСОН. Не беспокойся, покажу. Начинай ссору и помни: я рядом.

ГРЕГОРИ. Рядом за углом?

САМСОН. Да не бойся ты, со мной не пропадешь!

ГРЕГОРИ. А без тебя?

САМСОН. Сделай так, чтобы их же потом и обвинили.

ГРЕГОРИ. Я на них так посмотрю – пусть что хотят, то и делают.

САМСОН. Этого мало. Лучше я им нос покажу – это гораздо оскорбительней. (*Показывает.*)

АБРАМ. Это вы нам показываете нос, сэр?

САМСОН. А что его показывать, его и так видно, сэр.

АБРАМ. Но вы его все-таки показываете. Вот я и спрашиваю: не нам ли, сэр?

САМСОН (*к ГРЕГОРИ*). Может быть, ответить «да»?

ГРЕГОРИ (*САМСОНУ*). Тогда обвинят в ссоре нас.

САМСОН. Вам показалось. Лично вам никто носа не показывает. Он и так у всех на виду, сэр.

ГРЕГОРИ. И что вы к нам пристали, сэр?

АБРАМ. Мы к вам? Скорее, вы к нам, сэр.

САМСОН. Если вы не отстанете, я вам тогда в самом деле кое-что покажу. Слуги стоят своих господ, а наш господин ничуть не хуже вашего.

АБРАМ. Но и не лучше.

САМСОН. Не лучше?

ГРЕГОРИ (САМСОНУ, заметив приближающегося ТИБАЛЬТА). Говори, что лучше. Вон идет племянник нашего господина.

САМСОН. Нет, сэр, наш господин лучше.

АБРАМ. Ты нагло лжешь!

САМСОН. Что ж, покажите нам ваши шпаги, если вы мужчины. Грегори, вся надежда на твой коронный удар.

Сражаются.

Входит БЕНВОЛИО.

БЕНВОЛИО. Опомнитесь, болваны! Шпаги в ножны!
Подумайте, чем это всем грозит!

(Выбивает у них оружие.)

Входит ТИБАЛЬТ.

ТИБАЛЬТ. Как! Ты дерешься с дворней? Обернись!

Бенволио, на смерть свою взгляни!

БЕНВОЛИО. Я разнимал их. Шпагу убери

И лучше помоги их успокоить.

ТИБАЛЬТ. Спокойствие и меч несовместимы!

Меня покой твой бесит, как геенна;

Как все вы, Монтегю; как бесишь ты.

Дерись, подлец, иначе ты покойник!

Сражаются.

Входят СТОРОННИКИ Монтегю и Капулетти, присоединяются к дерущимся. *Входят* ГОРОЖАНЕ с дубинами и топорами.

ГОРОЖАНЕ. Бей! Навались! Лупи и в хвост и в гриву!

Жарь Капулетти вместе с Монтегю!

Входят КАПУЛЕТТИ в ночном колтаке и ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ.

КАПУЛЕТТИ. Что там за свалка? Вот я меч возьму!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Возьми костыль и костыляй отсюда!

КАПУЛЕТТИ. Меч, я сказал! Взгляни на Монтегю:

Старик, а в пику мне вооружился!

Входят МОНТЕГЮ и ЛЕДИ МОНТЕГЮ.

МОНТЕГЮ. Ты, Капулетти, подлый трус!

(ЛЕДИ МОНТЕГЮ.)

Отстань!

Сейчас ему задам я!
ЛЕДИ МОНТЕГЮ. Не пуцу!

Входит ПРИНЦ *со* СВИТОЙ.

ПРИНЦ. Враги покоя! Вы неизлечимы!
Вам только бы пятнать соседской кровью
Свои мечи! И слушать не хотят!
Не люди вы, а звери. Прекратите!
В пожар безумной ярости не воду,
А пурпур из артерий льете вы.
На дыбе околет, кто не бросит
Оружье, закосневшее в резне.
Ваш принц разгневан. Слушайте меня.
Уже три раза смуту городскую
Вы сеяли пустою болтовней,
Вы, старцы, Монтегю и Капулетти,
Взрывали трижды улиц тишину.
Едва ль не каждый старожил Вероны
Был не по-стариковски снаряжен,
Брал старческой рукой старинный меч
И в вашу свару старую встревал.
Но если беспорядки повторятся,
Поплатитесь вы кровью у меня!
Всем разойтись! За мною, Капулетти.
А вам я предлагаю, Монтегю,
В гражданский суд Фритауна явиться,
Где волю вы узнаете мою.
Все по домам! Ослушники умрут.

(*Все, кроме* МОНТЕГЮ, ЛЕДИ МОНТЕГЮ *и* БЕНВОЛИО, *уходят.*)

МОНТЕГЮ. Кто ветхую вражду возобновил?
Скажи, племянник, что произошло?
БЕНВОЛИО. Когда я ваших и не ваших слуг
Увидел здесь – они всю дрались.
Я – разнимать, и только вынул меч,
Как вдруг вбегает бешеный Тибальт,
Бросается со шпагою ко мне
И машет ею, воздух рассекая,
А воздух, оставаясь невредимым,

Со свистом издевается над ним.
Едва мы выпадами обменялись,
К нам с бранью подбежали горожане,
Но принц велел очистить поле брани.
ЛЕДИ МОНТЕГЮ. А где Ромео? Рада я, не скрою,
Что в этой драке не был он с тобою.
БЕНВОЛИО. За час пред тем, как солнечное око
Сверкнуло в золотом окне зари,
Я в сторону заката зашагал,
Гонимый безотчетною тревогой,
И за городом, в роще смоковниц,
На вашего Ромео и наткнулся.
Он там бродил ни свет и ни заря,
Но как меня увидел – убежал.
Я, разделяя чувства беглеца, —
А чувствам одиночество на пользу, —
Не в настроенье был, чтоб настроенью
Ромео помешать: мы рады были
Обрадовать друг друга, разойдясь.
МОНТЕГЮ. Ромео что ни утро видят там.
Росою слез он множит слезы рос,
А вздохами – небесное дыханье.
Но только шаловливое светило,
Всходя с востока, стягивать начнет
С Авроры сонной облачный покров,
Мой мрачный сын бросается домой,
Чтоб в комнате своей уединиться,
Зашториться от солнечных лучей
И скрыться в неестественной ночи.
Вещает зло такое настроенье,
И нет пока надежд на исцеленье.
БЕНВОЛИО. А в чем причина, дядя благородный?
МОНТЕГЮ. Не в курсе я, и он не говорит.
БЕНВОЛИО. Вы спрашивали, стало быть, его?
МОНТЕГЮ. Неоднократно, и друзья не раз.
Но он не доверяет никому,
Не открывает правды о себе,
Уходит от расспросов и ответов
И так своею тайною закрыт,
Как почка, пораженная червем,
В листочек не успевшая развиться
И скрывшая от света красоту.
Когда б мы знали, в чем его забота,
Лечение отыскалось бы в два счета.
БЕНВОЛИО. А вот и он. Прошу вас удалиться.
Чем болен он, дознаюсь я сейчас
Иль получу решительный отказ.
МОНТЕГЮ. Быть может, он, когда мы отойдем,
Как на духу, расскажет обо всем.

(МОНТЕГЮ и ЛЕДИ МОНТЕГЮ *уходят.*)

Входит РОМЕО.

БЕНВОЛИО. Ромео...

РОМЕО. Добрый день.

БЕНВОЛИО. Нет, с добрым утром.

РОМЕО. Ты шутишь?

БЕНВОЛИО. Девять пробило.

РОМЕО. Увы!

Как тянется томительное время!

Там не отец мой с матерью?

БЕНВОЛИО. Они.

Но чем Ромео время утомило,

Что для Ромео тянется оно?

РОМЕО. Тем, чем нельзя мне время сократить.

БЕНВОЛИО. Любовью?

РОМЕО. Нежеланием.

БЕНВОЛИО. Любить?

РОМЕО. Да, нежеланием моей желанной

Желать, любить и жаловать меня.

БЕНВОЛИО. Да, нежною лишь кажется любовь,

Оказываясь грубой и жестокой.

РОМЕО. Слеп Купидон, но бьет наверняка

Стрела неукротимого стрелка. —

Обедать не пора? Что здесь творится!

О потасовке знаю, помолчи. —

Назло любви для злобы здесь простор.

Любовь во злобе! Из любви раздор!

Созданье вещи из невестства!

Порожний груз! Пустопорожний труд!

Отборных форм аморфный перебор!

Прозрачный дым, свинцовое перо,

Здоровая хвороба, снег в огне!

Сон наяву, бессонница во сне.

Моя любовь с такой любовью схожа

И с нелюбовью, вероятно, — тоже.

Смеешься ты? Пора бы...

БЕНВОЛИО. Впору плакать.

РОМЕО. Зачем, дружок?

БЕНВОЛИО. Оплакивать дружка.

РОМЕО. Увы! Любовь разит исподтишка.

Болея за меня, ты сыплешь соль

На раны мне и умножаешь боль.

Своею и твоей тоской объят,

Я становлюсь тоскливее стократ.

Любовь, как дым, витает в облаках

И, словно вздохи, тает в небесах.

Глаза любви – пылающее пламя,
Бурлящее горячими слезами.
Любовь – мятущаяся безмятежность,
Немирный мир, надежды безнадежность.
Пойду я, брат...

БЕНВОЛИО. И мне пора домой.
Но ты мне не ответил, что с тобой?

РОМЕО. Но я не я, Ромео больше нет,
Он далеко, его простыл и след.

БЕНВОЛИО. Кого ж ты любишь?

РОМЕО. Не могу сказать.

БЕНВОЛИО. Серьезно, брат?

РОМЕО. Могу лишь простонать.

БЕНВОЛИО. Стонать не надо, отвечай всерьез.

РОМЕО. А если несерьезен твой вопрос?
Спроси серьезно у всерьез больного:
«Что ваше завешание – готово?».

Я в девушку влюблен.

БЕНВОЛИО. Невероятно!
Я и не целясь, попадаю в цель.

РОМЕО. Легко попасть в того, кто сел на мель.
Ах, как она прекрасна!

БЕНВОЛИО. Дело ясно:
Ты взять ее обязан на прицел.

РОМЕО. Совет бесцелен: здесь я не у дел.
Ни мне она не цель, ни Купидону.
Моей Дианы девственное лоно
В доспехах, защищающих ревниво
Ее от детски чистого порыва.
Отрядом слов и взоров осажден,
Вовек не сдастся этот бастион.
И золотом, соблазном для святош,
Ворот ее любви не отопрешь.
Она из тех, кто красотой богат,
И зарывает в землю этот клад.

БЕНВОЛИО. Решила стать весталкою отныне?

РОМЕО. И свой оазис превратит в пустыню.
Сурово соблюдая чистоту,
Она свою уморит красоту.
Разумна красота ее, но, право,
Краса моей разумницы лукава.
Чтоб в рай попасть, она была бы рада
Меня живьем отправить в бездну ада.
Мне от ее зарока свет не мил.
Я умер. Я с тобой не говорил.

БЕНВОЛИО. Вот мой совет: забудь о ней и думать.

РОМЕО. О, научи, как думать позабыть!

БЕНВОЛИО. Переключи внимание свое.
Немало есть красавиц.

РОМЕО. Это способ
Достоинства любимой подчеркнуть.
Не зря вуаль-счастливица черна:
Лаская лица женщин, позволяет
Мечтать о белолицей красоте.
Утратив зренья, помнит человек,
Какого он сокровища лишился.
Красавицу такую не найдешь,
Перечисляя прелести которой,
Не вспомню я о том, что числю выше
Я красоту прелестницы моей.
Что мне твое ученье о забвенья?
БЕНВОЛИО. Умру я, но продолжу обученье.

(Уходят.)

Акт первый. Сцена вторая

Улица.

Входят КАПУЛЕТТИ, ПАРИС и СЛУГА.

КАПУЛЕТТИ. Мы с Монтегю, два старых человека,
За дело получили нагоняй.

Но как бы эту ссору прекратить?

ПАРИС. Досадно, что не могут в мире жить
Почтенной репутации особы.

Но вы мне ничего не говорите.

КАПУЛЕТТИ. Уже сказал и снова повторю:

Куда ей замуж! Сами посудите:

Девчонке и четырнадцати нет.

Вам надо потерпеть годок-другой,

И дочь созреет, чтобы стать женой.

ПАРИС. Но счастье материнства узнают

И более незрелые девицы.

КАПУЛЕТТИ. Да, но приносит лишнее страданье

Такое слишком раннее познание.

В земле мои надежды, и одна

Моих земель наследница – она,

Джульетта. Поухаживай за ней,

Любви добейся, сердцем завладей.

Мое согласие без ее желанья —

Лишь звук в аккорде бракосочетанья.

А ночью в доме нашем карнавал.

Я множество гостей наприглашал;

А дорогих друзей моих – особо.

Прибавьте к ним еще одну особу.

Земных светил блистательные очи

Рассеют сумрак карнавальной ночи.

У нас, сегодня, в обществе девиц,

Среди красивых, юных, свежих лиц

На вас пахнет весной молодою,

Что за хромою гонится зимою.

И та, быть может, суженая ваша,

Кто лучше всех, достойнее и краше.

Здесь будет и Джульетта веселиться,

В ряду девиц обычная девица;

Обычная, которых легион,

А вовсе не одна на миллион.

(СЛУГЕ, подавая ему записку.)

А ты, приятель, обойди Верону

И в этом списке каждую персону

Проси нижайше, всех до одного,
Пожаловать на наше торжество. —
Парис, идемте.

(КАПУЛЕТТИ и ПАРИС *уходят.*)

СЛУГА. «И в этом списке каждую персону!». А что мне в нем? Может, здесь написано: сиди себе сапожник со своим аршином, портной – с колодкой, художник – с удочкой, рыбак – с кисточкой, – и не в свое дело не суйся. «Проси нижайше всех до одного!». А кого просить, ни одного не назвал. Что я ему, читатель, что ли!

(*Входят РОМЕО и БЕНВОЛИО.*)

И вовремя же они подвернулись!

БЕНВОЛИО (*к РОМЕО*). Молчи. Пожар – лекарство от пожара,
От скорби – скорбь и от болезни – боль.
А голова кружится от угара, —
Вскружить ее по-новому позволь.
На новую заразу глянь вполглаза,
И старая отвяжется зараза.

РОМЕО. И подорожник это исцеляет.

БЕНВОЛИО. Что именно?

РОМЕО. Ушибы на ногах.

БЕНВОЛИО. Ромео, ты помешан.

РОМЕО. Вроде нет,

Но под замком сижу и голодаю,

И муки несказанные терплю,

Как будто в самом деле помешался.

СЛУГА. День добрый, сэр.

РОМЕО. День добрый и тебе.

СЛУГА. Милорд, вы не могли бы прочитать...

РОМЕО. Мою судьбу в отчаянье моем?

СЛУГА. Это может всякий, а вот можете ли вы прочесть то, что только ученому под силу?

РОМЕО. Конечно, если буквы изучал.

СЛУГА. Спасибо, что не отказали. Господь с вами. (*Хочет уйти.*)

РОМЕО. Постой, дружище, давай прочту, я умею. (*Читает.*) «Синьор Мартино с супругой и дочерьми. Граф Ансельмо с его прекрасными сестрами. Вдовствующая госпожа Витрувио. Господин Плаченцо с его очаровательными племянницами. Меркуцио и его брат Валентин. Мой дядя Капулетти с супругой и дочерьми. Моя прелестная племянница Розалина. Ливия. Синьор Валенцо и его кузен Тибальт. Люцио и хохотушка Елена».

Отменное собранье. Где их ждут?

СЛУГА. Там, вверх по улице.

РОМЕО. Где это там?

СЛУГА. Там, где наш дом, на ужин ввечеру.

РОМЕО. В чей дом?

СЛУГА. В дом господина моего.

РОМЕО. Мне б стоило спросить об этом раньше.

СЛУГА. Да я и так скажу вам. Мой хозяин – синьор Капулетти, богач, каких мало, и если вы не Монтегю, просим покорно к нам на стаканчик винца. До скорого свидания. (*Уходит.*)

БЕНВОЛИО. Помимо распрекрасной Розалины,
В которую ты по уши влюблен,
На праздник ежегодный Капулетти
Все здешние красавицы придут.
Пойдем туда. Сравнив их непредвзято,
Я докажу тебе: твоя гагара —
Всего лишь галка, и тебе не пара.

РОМЕО. О, если от иконы отвратится,
Как еретик, мой вероломный взгляд,
То слезы вспыхнут и испепелят
В кощунстве утонувшие зеницы.
Всевидящий не видел небосвод
Со дня творенья таких красот.

БЕНВОЛИО. Все так, но ты, взглядевшись в оба глаза,
Ее красот не взвешивал ни разу.
Хрустальные весы из-под ресниц
Настрой на красоту других девиц.
И как бы Розалина ни сверкала,
Она померкнет в блеске карнавала.

РОМЕО. Пойдем. Но не на выставку синьор,
А ради той, кто мой ласкает взор.

(*Уходят.*)

Акт первый. Сцена третья

Комната в доме Капулетти.

Входят ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ и КОРМИЛИЦА.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Зови Джульетту, няня. Где она?

КОРМИЛИЦА. Клянусь былой невинностью своей,

Утраченной в двенадцать с небольшим, —

Давно звала. Джульетта! Стрекоза!

Голубка, где ты? Детка, отзовись!

Входит ДЖУЛЬЕТТА.

ДЖУЛЬЕТТА. Да здесь я, здесь! Чего тебе?

КОРМИЛИЦА. Не мне,

А матушке.

ДЖУЛЬЕТТА. Мадам, что вам угодно?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Вот дело в чем... Ты, нянюшка, поди.

Я с дочкой посекретничать хочу.

Хотя... останься, ты ведь не чужая:

Мою Джульетту вынянчила ты.

КОРМИЛИЦА. За годом годик, за часочком час.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Но ей же нет четырнадцати лет?

КОРМИЛИЦА. Четырнадцать зубов своих отдам —

Хоть у беззубой нет и четырех, —

Что ей еще четырнадцати нет.

До дня Петрова сколько?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Две недели.

Да к ним еще дней несколько прибавь.

КОРМИЛИЦА. Да нет, тут ни убавить ни прибавить:

Четырнадцать ей будет в день Петров.

Моей Сюзанне было бы не меньше,

Когда б за тяжкие мои грехи

Господь не отнял дочку у меня —

Дай, Боже, ей небесного блаженства!

Так вот, как раз четырнадцать Джульетте

И минет, верьте слову, в день Петров.

Когда землетрясенье было? То-то.

Одиннадцать годов тому назад.

В тот самый день — ох, помню как сейчас! —

Я от груди глупышку отучала.

Нашла полыни возле голубятни,

Соски себе натерла и — кормить.

А вы гостили в Мантуе с милордом.

Поди ж ты, помню, даром что стара!

Джульетта хватъ полыни с молоком

Да в рев: уж так ей горько показалось.

Тут голубятня вся и затрясись.
Я мигом ноги в руки и – бежать.
Одиннадцать исполнилось тому.
Она тогда ходить еще училась.
Да что ж я вру! Вовсю уже ходила —
Клянусь распятым! – бегала вовсю!
Еще, я помню, лоб себе разбила.
А муж-то мой – веселый был такой! —
Мой муж-то – упокой его Господь! —
Малышку поднял да и говорит:
«Не падай вниз лицом. Вот подрастешь,
На спинку падать будешь. Хорошо?».
А деточка – спасением клянусь! —
Вмиг унялась и говорит: «Угу!».
Животики от смеха надорвешь.
И через сотню лет не позабуду.
Он говорит: «На спинку падать будешь?» —
А дурочка «Угу» ему в ответ.
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Ну, полно, няня, полно, помолчи.
КОРМИЛИЦА. Да, госпожа. Нет, со смеху помру.
Отерла нос и нате вам: «Угу!».
А шишка-то вскочила – ого-го-го! —
С яичко петушиное, пожалуй!
Об землю лбом, ревет, а муж-покойник:
«Не падай вниз лицом. Вот подрастешь,
На спинку падать будешь. Хорошо?».
А та ему «Угу» и унялась.
ДЖУЛЬЕТТА. А ты уймешься, няня, или нет?
КОРМИЛИЦА. Молчу, молчу. Господь тебя храни!
Вскормила столькох я, но ты была
На зависть всем. Молюсь я об одном:
Дожить бы мне до свадьбы до твоей.
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Ну, вот вам и до свадьбы добрались.
Скажи, Джульетта, доченька моя,
Ты думаешь ли замуж выходить?
ДЖУЛЬЕТТА. Такая честь мне и во сне не снилась.
КОРМИЛИЦА. Каков ответ! Нет, я бы так сказала —
Будь матерью тебе я, а не мамкой, —
Что ты свой ум всосала с молоком.
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. А думать надо. В возрасте твоём
Уж я была не девушкой, как ты,
А матерью твоею. А в Вероне
Есть леди и моложе, и с детьми.
Короче говоря, твоей руки
И сердца просит доблестный Парис.
КОРМИЛИЦА. Что за красавчик, деточка моя!
Картиночка! Фигурка восковая!
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. В саду веронском лучший из цветов.
КОРМИЛИЦА. Цветочек! Гладиолус! Гиацинт!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Ну, что молчишь? Тебе он по душе?

Он к нам на пир сегодня приглашен.
Его лицо – раскрытый фолиант,
Начертанный рукою красоты.
Заметь, как гармоничны очертанья
У этого роскошного издания;
Как лист прекрасен титульный его
И авторов известных мастерство.
А что таится в этом сочиненье,
Прочти в его глазах, как в оглавленье.
Любовный том, с любовью сверстан он,
Одна беда, что не переплетен.
Но рыба, что пойдет на переплет,
Еще живет, не ведая хлопот.
Не всякая, к тому ж еще, годится
Облечь собой столь дивные страницы.
Но золотая повесть в книге той
Должна сверкать застежкой золотой.
И в том, что ты войдешь в его владенья,
Ни униженья нет, ни умаленья.

КОРМИЛИЦА. Ну, а всего скорее – утолщенье:

Мужчине – радость, женщине – мученье.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. На первый взгляд, не очень-то ты рада
Его любви. Тобою он любим?

ДЖУЛЬЕТТА. Приглянется, так с первого же взгляда

Влюблюсь в него. А впрочем, поглядим.
Но глазки строить вашему Парису
Я буду лишь по вашему капризу.

Входит СЛУГА.

СЛУГА. Госпожа, гости в сборе, столы накрыты, вас зовут, юную леди поминутно спрашивают, кормилицу на кухне бранят почему зря, короче говоря, дым коромыслом. А мне пора прислуживать за столом. Покорнейше прошу вас пожаловать туда.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Парис явился. Дочка, поспешим.

КОРМИЛИЦА. Благих тебе ночей ко дням благим.

(Уходят.)

Акт первый. Сцена четвертая

Улица.

Входят РОМЕО, МЕРКУЦИО, БЕНВОЛИО, пять-шесть ЧЕЛОВЕК в масках и СЛУГИ с факелами.

РОМЕО. Войдем с любезной речью иль, войдя,
Не извинимся даже за вторжение?

БЕНВОЛИО. На что нам это словоизвержение?
Зачем Амура пугалом рядить:
Шарфом ему завязывать глаза,
Татарский лук раскрашенный вручать?
Чтоб женщины в испуге разбежались?
Не будем мы разыгрывать пролог,
Прислушиваясь к шепоту суфлера.
Хозяйский тон нас с тона не собьет,
И танец наш не будет слишком тонным.

РОМЕО. Мне эта интонация – не в тон.
Моей души тональность – тяжкий стон.
Когда ж на сердце тяжесть – не до танцев.
Подай мне факел, буду разгонять
Я мрак небес со стоном или без.

МЕРКУЦИО. Ну, что ты расстонался, мракобес?
Ведь мы же собирались танцевать.

РОМЕО. Ты в легких башмаках идешь, танцую,
А в танце, как на крыльях, воспаришь.
Но нележки, нелегкая возьми их,
Свинцовые крыла моей души:
Не до паренья мне и не до па.

МЕРКУЦИО. Но ты влюблен. Возьми у Купидона
Его крыла, подпрыгни и пари.
Два-три прыжка – и стон твой испарится.

РОМЕО. Я, кажется, допрыгался уже:
Сбит на лету стрелой Купидона
И намертво к печали пригвожден.
Я, тяжестью любви обремененный,
Не в силах прыгнуть выше головы.

МЕРКУЦИО. Чем тяготиться бременем любовным,
Ты лучше б сам любовь обременил.
Но не снести ей: чересчур нежна.

РОМЕО. Нежна? Она груба невыносимо,
Несносна, неотесанна, черства!
В занозах я от нежности подобной.

МЕРКУЦИО. И ты будь поглубже с грубиянкой,
Заносчивей с занозистой будь —
И сбросишь это бремя. Где же маски?
Давайте маску личную – лицо —

Маскировать безликою личиной.
И пусть она сгорает от стыда,
Когда нас пристыдят хоть в чем-нибудь.
БЕНВОЛИО. Вот дверь. Заходим и без разговоров
Своим ногам работу задаем.
РОМЕО. Подайте факел. Лишь весельчаки
Вонзают с легким сердцем каблуки
В бесчувственный настил из камыша.
А я, как говорили в старину,
Светильником побуду до поры:
Не наигравшись, выйду из игры.
МЕРКУЦИО. Ромео, переигрываешь ты.
Твоя любовь, прости меня, – болото.
Ты в нем погряз; тебя мы за ушко
На солнышко из грязи извлечем —
И незачем шататься днем с огнем.
РОМЕО. Но мне темно.
МЕРКУЦИО. И впрямь стемнеет скоро
Средь темного такого разговора.
Хоть ты умен, но нас тут пять голов:
В пять раз умней, а корчим дураков.
РОМЕО. Вот почему вам маскарад – отрада,
А умному не надо маскарада.
МЕРКУЦИО. Но почему?
РОМЕО. Я видел сон.
МЕРКУЦИО. Я тоже.
РОМЕО. Что видел ты?
МЕРКУЦИО. Что верить снам негоже,
А кто им верит, тот умом ослаб.
РОМЕО. Но сны не лгут.
МЕРКУЦИО. Зато царица Маб...
РОМЕО. Что за царица?
МЕРКУЦИО. Акушерка фей.
Видал агат в кольце у ольдермена?
Царица Маб росточком с камень тот.
Она по лицам спящих разъезжает.
В ее упряжке – бусинки росы,
На них попонки – крылья светляков,
В колесах спицы – лапки паука,
Постромки и подпруги – паутинки,
Хомут – чешуйка лунного луча,
Кнут – волоконце дымки предрассветной,
А кнутовище – косточка сверчка.
На козлах и запятках – мотыльки,
Не больше червячков, что под ногтями
Плодятся у бездельниц молодых.
А сделана карета из ореха
Мастеровыми – белкой и бобром,
Работающим издавна для фей.

Из ночи в ночь царица заезжает
Влюбленным в мозг – и снится им любовь;
Придворным на колени залетит —
Им снится двор коленопреклоненный;
Мздоимцам в горсть – им снятся горсти мзды;
Девицам в губы – снятся губы девам;
Им, чье дыханье сладостями веет,
Прыщами мстит разгневанная Маб;
Прокатится по носу адвоката —
Он гонорар почует и во сне;
Порой щетинкой свинки десятичной
У пастора под носом проведет —
Он спит и видит прибыльный приход;
Порой по горлу воина проскачет —
И тот во сне врагу вонзает в горло
Испанский меч и рушит все кругом,
И пьет пятисаженными ковшами;
А рев трубы пригрезится ему, —
Он вскакивает, молится в испуге
И – снова спать. Еще старуха Маб
Хвосты коней и волосы людей
Сплетает в колтуны, и их нельзя
Расчесывать – накликаешь беду.
Давая спящим девушкам понять,
Чего им ждать в замужестве, она
Их тяжестью неведомой гнетет.
А то еще...

РОМЕО. Меркуцио, молчи!

Все это вздор.

МЕРКУЦИО. Все это – сны твои,

Химеры обленившегося мозга,

Воображенья тощего ростки.

Они бесплотны, словно пустота;

Они непредсказуемы, как ветер:

То к северу он с пылкостью стремится,

То с яростью холодной – на юг.

БЕНВОЛИО. Боюсь я, ветер вашей болтовни

Нам сдует ужин. Надо поспешить.

РОМЕО. Помедлить надо. Чувствую душою, —

Моя судьба на ниточке висит:

Того и жди – сорвется с высоты.

Чудовищное что-то предвещает

Мне этот бал: возмездье за грехи,

Моей постылой жизни угасанье

И мерзкую безвременную смерть.

Но смертник я на паруснике смерти,

А у руля – бессмертный капитан.

Друзья, идемте.

БЕНВОЛИО. Бейте в барабан.

(Уходят.)

Акт первый. Сцена пятая

Зал в доме Капулетти.

Входят МУЗЫКАНТЫ и СЛУГИ.

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Где же Пат Судомойщик? Хорош помощник, ничего не скажешь! Пора тарелки расставлять, а они еще не мыты!

ВТОРОЙ СЛУГА. Так оно всегда и бывает, когда всем заведует одно лицо, да еще с утра немытое.

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Кресла убрать, буфеты отодвинуть, тарелки пересчитать. И позаботься, дружище, о пирожках с марципаном для меня. И вот что, не в службу, а в дружбу, попроси привратника впустить Сюзанну Котлотерку и Нелли. Пат! Пат Судомойщик!

ТРЕТИЙ СЛУГА. Да здесь я. Чего тебе?

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Тебя ищут, тебя зовут, тебя спрашивают, тебя требуют, живо беги вниз.

ТРЕТИЙ СЛУГА. Что мне теперь – разорваться?

ВТОРОЙ СЛУГА. Да беги уж! Веселей, друзья! Кто в живых останется, все тому достанется.

Входят КАПУЛЕТТИ, ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ и ДЖУЛЬЕТТА с ДОМАШНИМИ встречать гостей в масках.

КАПУЛЕТТИ. Прошу вас, проходите, господа,
И ваших дам на танец приглашайте.
А мы сейчас узнаем, у кого
На ножках есть мозоли. Пусть теперь
Жеманницы откажутся плясать.
Мы скажем так: они из-за мозолей
Стоят у стен, мозоля нам глаза.
Что, я не прав? Входите, господа.
И я по балам хаживал когда-то,
И я красоткам нежности шептал.
Давно все это было, ох, давно.
Играйте, музыканты. Шире круг!

Входят РОМЕО, МЕРКУЦИО, БЕНВОЛИО, БАЛЬТАЗАР и ДРУГИЕ.

Вас, кавалеры, дамы заждались.

(Музыка. Гости танцуют.)

Скамьи в сторонку! Света! Больше света!
Камин гасите, жарко без него.
Ну, вот и славно, дети, веселитесь!

(ДЯДЕ КАПУЛЕТТИ.)

А нам бы лучше, дядюшка, присесть.
Свое оттанцевали мы давно.
Когда, бишь, в маскараде были мы
В последний раз?

ДЯДЯ КАПУЛЕТТИ. Тому назад лет тридцать.

КАПУЛЕТТИ. Да, что ты! Много меньше, много меньше!

Лет двадцать пять, не более, назад,
На Троицу, на свадьбе у Люченцо,
Мы танцевали, дядюшка, с тобой.

ДЯДЯ КАПУЛЕТТИ. Нет, больше. Сыну этого Люченцо
Уже лет тридцать.

КАПУЛЕТТИ. Что ты, дядя, что ты!

Он год всего как совершеннолетний.

РОМЕО (БАЛЬТАЗАРУ). Кто леди та, что в Креза превращает

Счастливец – кавалера своего, —
Блестящая рядом с ним, как бриллиант?

БАЛЬТАЗАР. Поняття не имею, господин.

РОМЕО. Она сияет, факел затмевая,

Для существа земного – неземная;
Так на челе ночного небосклона
Астральная красуется корона;
Лучится так жемчужина на коже
Арапского царя или вельможи.

Среди ворон сиятельных Вероны
Голубка эта – белая ворона.

Закончен танец. Подойду к святыне
Пред алтарем молить о благостыне.

И я любил?! Нет, я, по слепоте,
Неистинной молился красоте.

Когда б не эта ночь, не этот дом,
Клянусь, я не прозрел бы нипочем!

ТИБАЛЬТ. Знакомый голос! Это Монтегю!

Эй, шпагу мне! Осмелился подлец,
Закрыв лицо печальной личиной,
Прийти в наш дом и праздник осмеять?

Но я вступлюсь за честь семьи и рода.

Не грех – прикончить наглого урода.

КАПУЛЕТТИ. Ты что шумишь, племянник? Отчего?

ТИБАЛЬТ. К нам Монтегю проник на торжество.

Над нами здесь глумится негодяй,

А мы терпи все и не замечай?

КАПУЛЕТТИ. Ромео юный здесь?

ТИБАЛЬТ. Ромео подлый!

КАПУЛЕТТИ. Остынь, дружок. Пускай себе танцует.

Он джентльмен, это видно по всему,
Воспитанный, воздержанный и скромный.

Нет юноши, подобного ему,
Как полагает общество Вероны.

Клянусь я процветанием ее,

Гостей своих в обиду я не дам!
А он мой гость. Засим угомонись.
Велю тебе его не замечать.
И, если чтишь меня ты, будь любезен
Немедленно принять любезный вид.
Быть на виду, любезничать с гостями
Нельзя с таким нахмуренным лицом.
ТИБАЛЬТ. Но лебезить пред гостем-подлецом
Я не привык.
КАПУЛЕТТИ. Так привыкай.
ТИБАЛЬТ. Не буду!
КАПУЛЕТТИ. Что-что? Не будешь? Ничего себе!
Не будет он! А кто ты здесь такой?
Хозяин при хозяйине живом?
Не будет! Он – спаси и сохрани! —
Резню устроить хочет у меня!
Развоевался здесь! Головорез!
ТИБАЛЬТ. Но это, дядя, просто оскорбленье!
КАПУЛЕТТИ. Цыц, говорю! Мальчишка! Сорванец!
Привычку взял дерзить! – Вы правы, сэр. —
Попробуй мне задраться, хуже будет!
Подумать только, все наперекор! —
Куда вы, господа? – А ты, буян,
Смирись, иначе живо усмирю. —
Эй, свету! – Веселей, друзья мои!
ТИБАЛЬТ. Мой правый гнев и гневный ваш запрет
Меня пронзили разом, как дуплет.
Я ухожу. Но как бы этот гость
Не стал вам поперек, как в горле кость.

(Уходит.)

РОМЕО (ДЖУЛЬЕТТЕ). Когда коснуться дерзкими перстами
Руки святой считается грехом,
То грех свой богомольными устами
Я замолю в лобзании святом.
ДЖУЛЬЕТТА. Любезный богомолец, нахожу я
Благим прикосновение перста.
Персты к перстам – святые поцелуи;
Персты – святых паломников уста.
РОМЕО. Но ведь святым без уст, наверно, трудно...
ДЖУЛЬЕТТА. Да, брат святой, – молиться всеблагим...
РОМЕО. Но чтоб, сестра, молить их обоюдно,
В молитве мы уста соединим.
ДЖУЛЬЕТТА. Уста святых застыли, ожидая...
РОМЕО. Святой молитвы, милая святая.

(Целует ее.)

Теперь мои очищены уста.
ДЖУЛЬЕТТА. Зато мои лишились чистоты.
РОМЕО. Верни мне грех – и будешь вновь чиста.
ДЖУЛЬЕТТА. Целуешь по-заученному ты.
КОРМИЛИЦА. Сударыня, вас матушка зовет.

(ДЖУЛЬЕТТА *уходит.*)

РОМЕО. А кто, простите, матушка ее?
КОРМИЛИЦА. Как это кто? Хозяйка в доме этом,
Достойная и добрая матрона.
Я вынянчила девочку ее,
С которой вы весь вечер говорили.
А кто Джульетту в жены заполучит,
Наличными немало огребет.
РОМЕО. Дочь Капулетти! Вот и приговор:
Я разорен, а недруг – кредитор!
БЕНВОЛИО. Закончилось удачно приключенье.
РОМЕО. Придя к началу моего мученья.
КАПУЛЕТТИ. Нет-нет, не расходитесь, господа.
Отужинать прошу чем Бог послал.
Что? Поздний час, и вам уже пора?
Тогда до скорой встречи. До свиданья.
Спасибо вам. И вас благодарю.
Спокойной ночи. Факелы – к подъезду!
Ну, кто куда, а я пойду прилечь.
И то сказать, давно пора в постель.
Спокойной ночи.

(*Все, кроме ДЖУЛЬЕТТЫ и КОРМИЛИЦЫ, уходят.*)

ДЖУЛЬЕТТА. Няня, подойди.
Кто этот благородный господин?
КОРМИЛИЦА. Почтенного Тиберио сынок.
ДЖУЛЬЕТТА. А этот, что выходит за порог?
КОРМИЛИЦА. Петруччио, похоже, молодой.
ДЖУЛЬЕТТА. А тот, который следует за ним,
Которому здесь было не до танцев?
КОРМИЛИЦА. Не знаю я.
ДЖУЛЬЕТТА. Ну, так поди узнай.

(КОРМИЛИЦА *уходит к гостям.*)

И если он кого зовет женою —
Мне брачным станет ложе гробовое.
КОРМИЛИЦА (вернувшись). Зовут его Ромео Монтегю,
И он наследник нашего врага.
ДЖУЛЬЕТТА. Любовью стала ненависть былая,
Сама собой в любовь перетекая.

Его я слишком рано повстречала,
Кто он такой, не ведая сначала.
Поверить не могу себе никак,
Что страсть во мне зажег мой злейший враг.
КОРМИЛИЦА. Что ты сказала?
ДЖУЛЬЕТТА. Вспомнила стишок,
Что мне партнер по танцу прочитал.

(Голос леди Капулетти за сценой: «Джульетта!».)

КОРМИЛИЦА. Уже идем! Джульетта, спать пора.
Разъехались все гости со двора.

(Уходят.)

Пролог

Входит ХОР.

ХОР. Одна любовь погибла. Ей другая
Наследует, наивна и чиста.
И, красоту чужую побеждая,
Джульетты расцветает красота.
Ромео очарован: он впервые
Любим и сам влюбляется опять.
Но, как с крючка приманку, роковые
Услады им приходится срывать.
Не совладав с фамильною напастью,
Не может он с признаньем подойти
К любимой. И она, пылая страстью,
Найти не в силах к милому пути.
 Но чувство их и жажда сладкой муки
 Прервут часы мучительной разлуки.

(Уходит.)

Акт второй. Сцена первая

У стены сада Капулетти.

Входит РОМЕО.

РОМЕО. Идти домой? Но если сердце здесь,
Куда я без него? Ну что ж, ищи
Ядро свое, пустая оболочка!

(Перелезает через стену сада.)

Входят БЕНВОЛИО и МЕРКУЦИО.

БЕНВОЛИО. Ромео, ты куда? Кузен, вернись!

МЕРКУЦИО. Ромео твой нас, кажется, провел:

Он дома и уже, наверно, спит.

БЕНВОЛИО. Он был здесь, говорю: мелькнул, как призрак,
И через стену в сад перемахнул.

Покличь его, Меркуцио.

МЕРКУЦИО. Я лучше

Прибегну к заклинаниям. Ромео!

Помешанный на страсти и любви!

Прелестник наш! Мы многого не просим:

Взамен себя пришли свое «увы»

Или двустигше с рифмой «кровь» – «любовь».

Словцо Венере-своднице шепни,

Посмейся над наследником ее,

Амуром, юным, как Мафусаил;

Над тем, как сослепу ее сынок

Стрелой меткой пробудил любовь

К бродяжке в короле Кофетуа.

А он молчит. Притих и затаился.

Лемур издох, но нужно воскресить.

Ромео, вспомни глазки Розалины,

Припухлость щек и свежесть алых губ,

И стройность ног, и бедер колыханье,

И прочее, что есть там у нее, —

И воскресай скорее в прежнем виде.

БЕНВОЛИО. Обидеться он может, если слышит.

МЕРКУЦИО. Здесь нет обиды. Было бы обидно,

Когда б к орбите госпожи его

Я тело инородное привлек,

И с ним соединилась бы она.

А я пытаюсь чинно, благородно —

Хотя бы светлым именем ее —

Привлечь Ромео. В чем же тут обида?

БЕНВОЛИО. Пойдем домой. Он прячется в саду,

Любовной влагой ночи упиваясь,
Влюбленный слеп, и тьма ему под стать.
МЕРКУЦИО. Но меткости в стрельбе не занимать
Слепой любви. Сидит сейчас Ромео
Под персиковым деревом, мечтает
Любимую, как персик, разломить;
И чтоб ее пленительные губки
С улыбкою раскрылись перед ним.
Так пусть же станет персиком она,
А наш Ромео – косточкою в нем!
Ромео, мы ушли! Пора в постель.
В твоей палатке спать холодновато. —
Идем?
БЕНВОЛИО. Идем. Не выявить того,
Кому явиться – явно не с руки.

(Уходят.)

Акт второй. Сцена вторая

Сад Капулетти.

Входит РОМЕО.

РОМЕО. Смеются над больным здоровяки.

ДЖУЛЬЕТТА выходит на балкон.

Но что это? Зажегся свет... Джульетта!
Взойди, о солнце светлое мое!
И ты убьешь завистницу-луну,
Больную бледной немочью от горя,
Что ты ее прекрасней во сто крат.
И ты ей служишь? Бедная весталка!
Смени свой лунный шутовской наряд.
Любовь моя! Владычица! Богиня!
Ах, вот бы ей поведать, кто она!
Сказала что-то? Ничего не слышно.
Зато ее глаза красноречивы,
И молча с ними говорят мои.
Глупец! Ее слова не для меня:
Две звездочки, сгорая от любви,
Сойти желают с неба на часок
И просьбою сменить их докучают
Ее глазам. Но если заискрятся,
Глаза ее на куполе воздушном,
Прольется столько света с высоты,
Что птицы, словно утром, запоют.
А звезды, заменив ее зрачки,
Померкнут от сияния щеки.
Так утром затмевается свеча
Слепящим блеском первого луча.
Ладонями она коснулась щек.
Когда б я стать ее перчаткой мог!

ДЖУЛЬЕТТА. О горе мне!

РОМЕО. Она заговорила.

О говори же! Голову мою
Ты осеняешь, ночи ореол!
Небесный вестник, светлый херувим,
Парящий среди сонных облаков, —
Мы, смертные, не отрывая глаз,
Взираем на тебя, пловец воздушный,
Твоим полетом заморожены!

ДЖУЛЬЕТТА. Ромео, почему ты Монтегю?

Забудь отца и родовое имя
Или женись немедля на Джульетте,

Чтобы не быть ей больше Капулетти.
РОМЕО. Не знаю – слушать или отвечать?
ДЖУЛЬЕТТА. Мне только имя недруг – Монтегю.
Но ты же не оно, ты – это ты.
Что вообще такое – Монтегю?
Что это – ноги, руки, голова,
Все остальное? Нет! При чем здесь имя?
Ведь если розу назовут не розой,
Она благоухать не прекратит.
Ромео, будь он переименован
Иль совершенно имени лишен,
Останется Ромео совершенным, —
Таким, каков он есть по существу.
Ромео, имя собственное брось
И всю меня возьми себе за это!
РОМЕО. Попалась ты! Я больше не Ромео!
Зови меня возлюбленным своим,
И я в другую веру перейду.
ДЖУЛЬЕТТА. Кто мысли сокровенные мои,
За ширмой ночи прячась, подстерег?
РОМЕО. Боюсь назваться, чтоб не оскорбить
Моей святыни именем своим.
Его я ненавижу, а случись
Мне подписаться им, – порву письмо.
ДЖУЛЬЕТТА. Хотя я смысла слов не уловила,
Зато узнала голос. Ты Ромео?
Ты Монтегю?
РОМЕО. Ни тот я, ни другой,
Когда тебе мы оба ненавистны.
ДЖУЛЬЕТТА. Зачем ты здесь? И как сюда проник?
Сад неприступен, стены высоки.
Тебя убьют на месте, если ты
Кому-нибудь из наших попадешься.
РОМЕО. Любовь крылата, что ей стены сада
И каменный забор! Любовь смела,
На все она с отчаянья способна.
И мне твои родные не страшны.
ДЖУЛЬЕТТА. Но ты рискуешь жизнью. Берегись.
РОМЕО. Твой взгляд суровый стал бы для меня
Страшнее ста мечей. А взглянешь нежно —
И я в броне, и что мне сто мечей!
ДЖУЛЬЕТТА. Будь все же начеку.
РОМЕО. На мне плащ ночи.
Но если ты меня совсем не любишь,
Откроюсь я сородичам твоим.
Мне лучше жизнь утратить в одночасье,
Чем, умирая от любви к тебе,
Обречь себя на медленную смерть.
ДЖУЛЬЕТТА. Но кто тебя провел ко мне?

РОМЕО. Любовь!

Она была моим проводником
И научила видеть в темноте.
А если бы ты за морем жила,
Я бы сумел, хоть я и не пират,
Добыть тебя, сокровище мое.

ДЖУЛЬЕТТА. Вуаль ночная на моем лице,

Не то б ты видел, как оно горит
От мысли, что подслушал посторонний
Девическую исповедь мою.
От слов своих теперь я отрекаюсь.
Да, отрекаюсь! Отрекаюсь, да!
Но что теперь достоинство хранить!
Меня ты любишь? Знаю, знаю, любишь.
Тебе я верю. Только не клянись,
А то еще обманешь. Сам Юпитер
Смеется над неверностью влюбленных.
Ромео милый, ты влюбился, правда?
Что ж ты молчишь? А если ты считаешь,
Что крепость пала, штурма не дождавшись,
Я рассержусь, возьму слова обратно,
И ты за мной побегаешь тогда.
Скажи мне честно, милый Монтегю,
Ты думаешь, что если я нежна,
То отличаюсь легким поведением?
Как доказать тебе, что я стыдливей
Притворщиц, позабывших всякий стыд!
Я бы, конечно, тоже притворилась,
Но не остереглась, и ты услышал
Мои слова. Прости за откровенность
И не считай уступчивой меня
За эту страсть, раскрывшуюся ночью.

РОМЕО. Клянусь луной, осыпавшей листву

Своим благословенным серебром...

ДЖУЛЬЕТТА. Нельзя луною. Раз она меняет

Свой облик постоянно, то изменит
Твою любовь своим непостоянством.

РОМЕО. Но чем мне клясться?

ДЖУЛЬЕТТА. Или же ничем,

Или своей прекрасною особой.
Я так боготворю тебя, что сразу
Поверю в эту клятву.

РОМЕО. Если сердце...

ДЖУЛЬЕТТА. Постой! Хоть мне с тобою хорошо,

Но что хорошего в ночной помолвке?
Какая опрометчивость и спешка!
Любовь у нас на молнию похожа,
Которую, приметив, не успеешь
И молнией назвать, – сейчас погаснет.

Спокойной ночи, милый. Подождем,
Чтобы для нас в оранжерее лета
Расцвел бутон любви. Спокойной ночи.
В моей душе такая благодать,
Что и твою должна переполнять.
РОМЕО. Но ты должна со мною расплатиться!
ДЖУЛЬЕТТА. Ну, надо же! И я еще должница!
РОМЕО. Тебе я клятву дал, а ты мне нет.
ДЖУЛЬЕТТА. Да, но твоя дана моей вослед.
А надо мне свою обратно взять.
РОМЕО. Зачем?!
ДЖУЛЬЕТТА. Чтобы отдать тебе опять
И показать, насколько я щедра.
Хотя я не владелица добра,
Которым так внезапно овладела.
Любви моей, как морю, нет предела.
Исчерпана не может быть она,
Тебе до капли мною отдана.

(Голос кормилицы за сценой: «Джульетта!».)

Пора мне. – Няня, слышу! – В добрый путь,
Любимый! И не вздумай обмануть.
Нет, подожди минуту. Я сейчас.

(Уходит.)

РОМЕО. О ночь! Благословенная! Святая!
Но если ночь, то я, наверно, сплю?
Не может явь пленять, как этот сон.

ДЖУЛЬЕТТА возвращается на балкон.

ДЖУЛЬЕТТА. Ромео, на прощанье пару слов.
Когда твои намеренья чисты
И свадьба их венчает, завтра утром
Кого-нибудь к тебе я подошлю
Узнать о нашем бракосочетанье.
К твоим ногам кладу мои надежды
И за тобой пойду, мой господин,
На край земли!
КОРМИЛИЦА *(за сценой)*. Джульетта!
ДЖУЛЬЕТТА. Я сейчас! —
Но если ты недоброе задумал,
То я прошу...
КОРМИЛИЦА *(за сценой)*. Джульетта!
ДЖУЛЬЕТТА. Я иду! —
Коль что не так, забудь о сватовстве
И о моих слезах. До завтра, милый.

РОМЕО. Своей души спасением клянусь...
ДЖУЛЬЕТТА. Прощай сто раз!

(Уходит.)

РОМЕО. Сто раз она сама,
Со мной простясь, сведет меня с ума!
К любимой мы – как школьники от книг,
А от нее – как в школу ученик.

(Намеревается уйти.)

ДЖУЛЬЕТТА возвращается на балкон.

ДЖУЛЬЕТТА. Ромео, где ты! Жалко, что сейчас
Не время для охоты соколиной,
А то бы этот сокол был моим.
Неволе впору шепот, а не крик.
А крикни я, пещера Эхо рухнет,
Сама же нимфа нежная осипнет,
Шепча, как я теперь. Ты где, Ромео?

РОМЕО. Меня зовет к себе моя душа,
Чей голос – колокольчик серебристый —
Ласкает слух мой музыкою сфер.

ДЖУЛЬЕТТА. Ромео!

РОМЕО. Что?

ДЖУЛЬЕТТА. Во сколько завтра будешь
Ждать вести?

РОМЕО. В девять.

ДЖУЛЬЕТТА. Только б не проспать!

А ждать до завтра чуть не двадцать лет!

Зачем же я звала тебя? Забыла...

РОМЕО. Останусь я, пока ты не припомнишь.

ДЖУЛЬЕТТА. Чтоб ты остался, все перезабуду,

Пока не вспомню, что тебе пора.

РОМЕО. Пока припомнишь, не уйду отсюда,

Чтоб ты со мной забылась до утра.

ДЖУЛЬЕТТА. Смотри, светает. Надо расставаться.

Жаль, ты не птица, пленница моя.

Взлетал бы ты с руки моей не дальше,

Чем позволяет шелковый шнурок.

Ты был бы скован нитями любви,

Ревнующей тебя к твоей свободе.

РОМЕО. Как жаль, что я не птица!

ДЖУЛЬЕТТА. В самом деле!

Я насмерть бы тебя зацеловала.

Ромео, доброй ночи!

РОМЕО. Доброй ночи!

ДЖУЛЬЕТТА. В словах прощанья – сладостное зло.

Прощалась бы, пока не рассвело.

(Уходит.)

РОМЕО. Покой твоей груди и сон – глазам.

Зачем не сон и не покой я сам!

Пора идти, чтобы скорее вник

В дела любви и счастья духовник.

(Уходит.)

Акт второй. Сцена третья

Келья брата Лоренцо.

Входит БРАТ ЛОРЕНЦО с корзиной.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Серчает ночь на сероглазый день,
Разливший в поднебесье светотень.
Ночной туман, покачиваясь пьяно,
Ползет под колесницею Титана.
Пока трава в росе, пока вполсилы
Сверкают очи летнего светила,
Пойду, корзинку прихватив с собою,
За вредной и полезною травою.
Всею дарует жизнь земли утроба,
Хоронит все и вновь родит для гроба.
Дитя земли, каким оно ни будь,
К ее сосцам торопится прильнуть.
И каждому из нас хотя б одно
Достоинство у ней припасено.
Какой могучий благодати росток
Заложен в камень, в колос, в лепесток!
Одно дитя уродливо, другое
Природною сверкает красотою.
Но есть и в злом хорошего частица,
И доброе с пути свернуть стремится.
Порою благодать идет не впрок,
Зато преображается порок.
Кто б угадал по этим лепесткам,
Что есть в них и отравы, и бальзам?
Что сок цветка приводит к малокровью,
А запах – благодетельствует здоровью?
И в нас, как и в растениях, рвутся в бой
Две мощных воли – злоба с добротой.
И если в нас гнездится не добро,
Нам черви ада выедят нутро.

Входит РОМЕО.

РОМЕО. Отец, благословите!

БРАТ ЛОРЕНЦО. Ах как мило!

И где тебя в такую рань носило?

Похоже, спятил ты во цвете лет.

Ты слишком юн, чтобы вставать чуть свет.

Состаришься, – бессонная тревога

Разляжется у твоего порога.

Но свежесть и беспечность не попасть

Не могут золотому сну во власть.

Уж если до зари ты встал с постели,
Не заболел ли ты на самом деле?
Хотя постой, Ромео. Я не прочь
Предположить, что ты не спал всю ночь.
РОМЕО. Да, у меня была не спать причина.
БРАТ ЛОРЕНЦО. И звать ее – о Боже! – Розалина?
РОМЕО. Я знать не знаю, кто она такая,
И даже имя не припоминаю.
БРАТ ЛОРЕНЦО. И славно. Но теперь-то ты откуда?
РОМЕО. Отец мой, я от вас скрывать не буду,
Как встретил я, попав на торжество,
Врага и принял вызов от него.
Мы ранены и жаждем исцеленья
От вашего, отец, благословенья.
Врага простил я, более того,
Как вы велите, возлюбил его.
БРАТ ЛОРЕНЦО. Ты жаждешь отпущения грехов,
А к исповеди ясной не готов.
Попроще говори, без суесловья.
РОМЕО. Куда уж проще! Я горю любовью
К прекрасной дочке сэра Капулетти.
Мы оба с ней попали в те же сети.
Все так сплелось – не расплести никак.
Спасение одно – священный брак.
Все расскажу: про наше с ней свиданье,
Любовь и обоюдные признанья, —
Но умоляю: сочетайте нас,
Отец святой, сегодня же. Сейчас.
БРАТ ЛОРЕНЦО. Святой Франциск! Какие чудеса!
А Розалина? А ее краса?
Забыты? Но с юнцами так всегда:
Глаза – огонь, а сердце изо льда.
О Богоматерь! Ты тонул в слезах,
С ума сходил, едва ли не зачах.
Приправил ты любовь морями соли,
А получил оскомину, не боле.
Ты так вздыхал, что пряталось светило.
Ты так стонал, что уши мне ломило.
Так слезы проливал, что их ручьи
Все щеки поизрезали твои.
Не ты ли это был, скажи на милость?
Но разве Розалина изменилась?
Увы, когда нет чести у мужчин,
То верности не жди от розалин!
РОМЕО. За ту любовь от вас мне попадало.
БРАТ ЛОРЕНЦО. За то, что делал глупостей немало.
РОМЕО. Велели вы убить любовь.
БРАТ ЛОРЕНЦО. Еще бы!
Но не другую извлекать из гроба!

РОМЕО. Теперь на страсть мне отвечает страсть.

Совсем не то, что прежняя напасть.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Той не сумел ты отвести глаза,

Так как, в любви не смысла ни аза,

Произносил чужие монологи.

Но, ветреник, мне с вами по дороге:

Враждующие семьи ваш союз.

Направить может в лоно братских уз

РОМЕО. Нельзя ли поскорей? Нам невтерпеж.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Ускоришь бег – скорее упадешь.

(Уходят.)

Акт второй. Сцена четвертая

Улица.

Входят БЕНВОЛИО и МЕРКУЦИО.

МЕРКУЦИО. Куда к чертям Ромео провалился?

Похоже, дома он не ночевал.

БЕНВОЛИО. Слуга сказал, что нет.

МЕРКУЦИО. А все любовь!

От этой бледной злючки Розалины,

Ромео наш, того гляди, свихнется.

БЕНВОЛИО. Слугу с письмом прислал к нему Тибальт,

Племянник Капулетти-старика.

МЕРКУЦИО. Могу поклясться жизнью, это вызов.

БЕНВОЛИО. Ромео на него ответить сможет.

МЕРКУЦИО. Писать он может, стало быть, ответит.

БЕНВОЛИО. Нет, он отзовется на вызов, и это будет достойный ответ.

МЕРКУЦИО. Несчастный Ромео! Его ходячий труп исколот темными глазами бледной немочи. Уши просверлены романсами. Сердцевина сердца, словно мишень, утыкана стрелами маленького слепца. И такому, как Ромео, драться с самим Тибальтом?

БЕНВОЛИО. По-твоему, Тибальт настолько опасен?

МЕРКУЦИО. Поопаснее своего тезки, кошачьего короля, это я тебе говорю. По части дуэльного кодекса Тибальту равных нет. Он владеет шпагой, как дирижер палочкой. Все за него: глазомер, ловкость, чувство ритма. А как он держит паузу! Один такт, другой, а третий пронзает тебя насквозь. И попасть-то, злодей, норовит в самую пуговицу. Словом, дуэлянт, каких мало. Джентльмен высшего сорта. Такой дерется даже без всякого повода. Тем более, когда повод есть. Ох, уж эти его бессмертные *passado, punto reverso* и прочие *hai!*

БЕНВОЛИО. Что это такое?

МЕРКУЦИО. Чертова абракадабра! Спасу нет от этих современных фигляров с их ужимками, пришепетыванием и притворством! А как они стрекочут – уши вянут! То и дело: «Бог ты мой, какая ловкая шпага! какая силища! какая талия!». И никуда не деться, мой друг почтенный, от этих зарубежных мух, от этих ряженных кривляк, начиненных всякими там *pardonnez-mois* или *bon, bon*. Эти модники безо всякой нужды заучили столько новых обычаев, что разучились непринужденно сидеть на обычной скамье.

Входит РОМЕО.

БЕНВОЛИО. Вот и Ромео.

МЕРКУЦИО. Его не слишком много: худющий, как минога. О, человеческая плоть! Каким образом ты перевоплотилась в нечеловеческую? Похоже, он истекает стихами, как Петрарка, преуспевший в воспевании своей Лауры. Между прочим, ей в этом смысле крупно повезло, ведь по сравнению с леди Ромео, Лаура – просто лахудра. А уж о дикарке Дидоне, кликуше Клеопатре, ехидне Елене, гетере Геро и говорить нечего. Сероглазая Фисба еще так-сяк, да и та ни к черту не годится. – Синьор Ромео! Позвольте поприветствовать ваши французские панталоны по-французски. *Bonjour!* Ловко же вы нас ночью облапошили!

РОМЕО. Здравствуйте. Каким это образом мы вас облапошили?

МЕРКУЦИО. Самым пошлым и безобразным. Это непростительно.

РОМЕО. Прошу прощения, Меркуцио, я был отозван по срочному делу. В моем положении простительно было уйти, не простившись.

МЕРКУЦИО. То есть уйти, не простив себя? Но за что?

РОМЕО. За то, что, уходя, не простирался ни перед кем во прахе.

МЕРКУЦИО. Каков ответ, прах его побери!

РОМЕО. Твоя вежливость, Меркуцио, вся пошла прахом.

МЕРКУЦИО. Нет, она пустила в нем корни, как цветок.

РОМЕО. Если так, то он довольно пыльный.

МЕРКУЦИО. Зато красивый.

РОМЕО. Как цветы на пряжках моих сапог.

МЕРКУЦИО. Ну, ты сказанул! Как гвоздь в подошву забил. Так у нас острят одни сапожники. Того и гляди, ты забьешь меня гвоздями своих острот. Если, конечно, не продырявишь ими своих подошв.

РОМЕО. А ты истопчешь свои, если будешь так долго топтаться на одном месте.

МЕРКУЦИО. Выручай, Бенволио! Он меня совсем затоптал.

РОМЕО. Такого гуся затопчешь. Гони его, Бенволио!

МЕРКУЦИО. Если тебе взбрело на ум гоняться за гусем, то я пас. У тебя хватит ума загнать целую стаю, с моим же и одного не догнать. По-твоему, я похож на гуся?

РОМЕО. Никем иным, как гусем, ты, по-моему, никогда и не был.

МЕРКУЦИО. Смотри, как бы я снова тебя не ущипнул.

РОМЕО. Щиплись на здоровье: от твоего клюва легко увернуться.

МЕРКУЦИО. Зато твои остроты всегда попадают в яблочко.

РОМЕО. Разве тебе не по вкусу гусь с яблоками?

МЕРКУЦИО. Как ловко ты тянешь резину своего остроумия!

РОМЕО. Если бы я изловчился начинить ею тебя, то такого резинового гуся можно было растянуть на весь мир.

МЕРКУЦИО. Разве это не лучше любовного плача? Ты снова человек. Ты Ромео. Ты снова не только есть, но и есть то, что ты есть и каким ты был отродясь. А то распускал слюни со своей любовью, точно шут гороховый, который сперва снует туда-сюда, высунув язык, а потом сует свою палку куда ни попадя.

БЕНВОЛИО. Хватит, прекрати!

МЕРКУЦИО. Хватит гладить его против шерстки?

БЕНВОЛИО. Прекрати распускать хвост.

МЕРКУЦИО. Ты опоздал. Я уже сложил его и не собираюсь показывать вторично: мне это противопоказано.

(Входят КОРМИЛИЦА и ПЕТР.)

РОМЕО. Вы только посмотрите!

МЕРКУЦИО. Парус, парус!

БЕНВОЛИО. Даже два: парус мужского рода и парусина женского.

КОРМИЛИЦА. Петр!

ПЕТР. К вашим услугам.

КОРМИЛИЦА. Подай мне веер.

МЕРКУЦИО. Закрой ей веером лицо, Петр: будет на что смотреть.

КОРМИЛИЦА. Здравствуйте, джентльмены!

МЕРКУЦИО. До свидания, прекрасная незнакомка!

КОРМИЛИЦА. Как так? Мы же еще не успели поздороваться.

МЕРКУЦИО. А уже пора прощаться, тем более с вами. Не ровен час похабная рука времени вскроет вас самым непристойным образом.

КОРМИЛИЦА. Типун вам на язык! Кто вы такой?

РОМЕО. Один из тех, любезная госпожа, кто по воле Божьей сотворен себе на зло.

КОРМИЛИЦА. Как вы говорите: «Сотворен себе назло?». Ах, как умно! Но ближе к делу, джентльмены. Мне нужен юный Ромео. Кто-нибудь из вас знает его?

РОМЕО. Я знаю. Но когда юного Ромео узнаете вы, он окажется менее юным, чем теперь, когда вы его еще не знаете. Из всех возможных Ромео я самый юный и, может статься, наихудший.

КОРМИЛИЦА. Лучше не скажешь!

МЕРКУЦИО. Лучше о наихудшем? Очень мудро, честное слово!

КОРМИЛИЦА. Если вы Ромео, мне надо вам кое-что сказать по секрету.

БЕНВОЛИО. Ручаюсь, она сведет его на секретный ужин.

МЕРКУЦИО. Точно, это сводня! Сводня, сводня! Ату ее!

РОМЕО. На кого ты охотишься?

МЕРКУЦИО. Не на зайца, сэр. Хотя если это и заяц, то от него не осталось ни кожи, ни рожи: в самый раз для постного пирога. *(Поет.)*

Плох из зайца навар,
Если тот очень стар.
В пост, однако, сгодятся и кости.
Если ж заячий труп
Высох так, что и в суп
Не годится, – такого хоть бросьте.

Ромео, ты идешь? Сегодня мы обедаем у твоих.

РОМЕО. Идите. Я догоню.

МЕРКУЦИО. Прощайте, старозаветная леди! *(Поет.)*

Прощайте, леди-ди!
Навеки, леди-ди!

КОРМИЛИЦА. Проваливайте, чтоб вам пусто было!

(МЕРКУЦИО и БЕНВОЛИО уходят.)

Подумать только, каков наглец! Кто этот проходимец, сэр, скажите мне на милость? По нем же веревка плачет!

РОМЕО. Джентльмен, привыкший слушать самого себя. Он не закрывает рта ни на минуту, а сам не дает никому и рта раскрыть.

КОРМИЛИЦА. Хотела бы я посмотреть, как он заткнет мне рот своими речами. Уж я бы дала ему чертей! Тоже мне смельчак выискался! Мне и двадцать таких нипочем. Я на них быстро управу найду! Грязный подонок! Ты со своими девками язык распускай! Или с друзьями, такими же головорезами! *(Поворачивается к Петру.)* Ну, а ты для чего здесь? Чтобы позволять первому встречному мерзавцу честить меня?

ПЕТР. Я здесь не встретил мерзавца, который рискнул бы вас обесчестить. Не то бы я живо схватился за шпагу. Я дерусь не хуже прочих и, если закон за меня, ввязываюсь в каждую потасовку.

КОРМИЛИЦА. Господи помилуй! Я до сих пор вне себя. Меня всю прямо так и трясет. Грязный подонок! Ну, да ладно. Прошу вас, сэр, на два слова. Не помню, говорила ли я вам, что моя молодая хозяйка послала меня по вашу душу? И кое-что велела передать. Впрочем, с этим можно погодить. Сперва я сама скажу. Если вы намерены, как говорится, свести ее в страну дураков, это будет, простите за выражение, такое свинство! Постыдились бы: ведь она еще совсем девочка. Неужто у вас что дурное на уме насчет нее? Право же, с честными девушками так не поступают. Это гадко, это отвратительно, это...

РОМЕО. Постой же. Поклонись от меня своей госпоже и хозяйке. Уверю тебя, у меня и в мыслях...

КОРМИЛИЦА. Ах, вы мой золотой! Конечно, поклонюсь! Господи Боже, вот будет для нее радость-то!

РОМЕО. Что ты передашь, кроме поклона? Ты же меня не дослушала.

КОРМИЛИЦА. Ваше уверение, сэр, которое у вас в мыслях, и передам. По всему видать, намерения у вас честные.

РОМЕО. Скажи ей, чтобы случай улучила
Сегодня же прийти к отцу Лоренцо.
Он исповедь соединит с венчаньем
И нашу страсть навеки освятит.
Возьми за труд.

КОРМИЛИЦА. Ни пенни не возьму!

РОМЕО. Бери, сказал. Не спорить же с тобой.

КОРМИЛИЦА. Сегодня же? Придет, не сомневайтесь.

РОМЕО. А ты иди к воротам монастырским

И жди там человека моего
С веревочною лестницей для нас.
Я нынче ночью с помощью нее
Поставлю парус нашего блаженства.
Теперь ступай и никому ни слова.
Я щедро отплачу тебе за все.
Прощай и передай поклон хозяйке.

КОРМИЛИЦА. Благослови вас Бог! Однако, сэр...

РОМЕО. Я слушаю.

КОРМИЛИЦА. Ваш человек надежен?

Мы заодно, и наше дело – тайна.

А третий проболтается случайно.

РОМЕО. Он крепче стали и не подведет.

КОРМИЛИЦА. Сэр, сэр, вы не знаете моей госпожи! Ах, ты моя сладенькая! Господи, Господи! Когда она была совсем малюткой... Да, чуть не забыла, – знаете ли вы некоего Париса? Он тоже готов ввязаться в спор из-за нее. Но для нее, для душеньки моей, он все равно что гадкая жаба и даже хуже. Я как-то шутки ради говорю ей: дескать, она с Парисом – прекрасная пара. Так видели бы вы ее лицо! ни кровиночки, белее самого белого полотна! И вот еще что: разве «розмарин» и «Ромео» с одной буквы начинаются?

РОМЕО. Ну да. С буквы «р». А в чем дело?

КОРМИЛИЦА. Полно смеяться-то! Так только собаки рычат. А вы и розмарин, уж я-то знаю, начинаетесь на «ро». Слышали бы вы, как нежно она щебечет, почем зря упоминая вас и розмарин! Вы бы заслушались.

РОМЕО. Поклон хозяйке (*уходит.*)

КОРМИЛИЦА. Тысяча поклонов.

Петр!

ПЕТР. К вашим услугам.

КОРМИЛИЦА. Забери у меня веер и ступай вперед.

(Уходят.)

Акт второй. Сцена пятая

Сад Капулетти.

Входит ДЖУЛЬЕТТА.

ДЖУЛЬЕТТА. Во сколько няня вышла? Ровно в девять.
Сказала, обернется в полчаса.
Не мог же он исчезнуть. Ну, конечно!
Не ей, старухе, быть гонцом любви.
Для этого годятся лишь мечты.
Найдут они любимого быстрее,
Чем солнца луч ночную тень пронзит.
Любовь летит на крыльях голубиных,
И окрылен ветрами Купидон.
Однако три часа уже прошло,
Взошло на холм полуденный светило,
А няни и не видно. У нее
Застыла кровь и чувства охладели,
Не то б она скакала, словно мяч,
А я и мой возлюбленный друг другу
Записки перебрасывали с ним.
Но старики покойников мертвей,
Железа тверже, камня холодней.

Входят КОРМИЛИЦА и ПЕТР.

О Господи! Пришла, пришла, пришла!
Ах, нянюшка! Ты говорила с ним? —
Пусть он уйдет.
КОРМИЛИЦА (ПЕТРУ). Жди около ворот.

(ПЕТР уходит.)

ДЖУЛЬЕТТА. Ну, нянюшка... Да ты никак сердита!
Засмейся лучше, если весть мрачна;
А если нет, не стыдно ли тебе
Мелодию прекрасных новостей
С такою кислой миной исполнять?
КОРМИЛИЦА. Дай мне вздохнуть. Устала, мочи нет.
Все кости ноют. Славно прогулялась!
ДЖУЛЬЕТТА. Весь свой скелет отдам тебе за весть!
Ну, няня, я прошу; скорее, няня!
КОРМИЛИЦА. О Боже, что за спешка-то такая!
Ты видишь, отдышаться не могу?
ДЖУЛЬЕТТА. Нет, можешь, если выдохнула ты
Слова, что ты не можешь отдышаться!
Куда длиннее эти отговорки

Того, о чем ты медлишь говоришь.
Все хорошо? Все плохо? Отвечай же!
Да или нет? Подробности потом!
Нет или да? Ты скажешь наконец?

КОРМИЛИЦА. Нашла же ты, кого выбрать. Где у тебя глаза-то были? Ромео! Хорош, нечего сказать! Лицом он, правда, вышел, спору нет, и ноги ничего себе, и руки. И остальное, о чем обычно помалкивают, дай Бог всякому. Учтивостью он, к сожалению, не блещет, зато ручной, как ягненок. Одним словом, радуйся, девушка, и благодари Бога. Что, наши уже обещали?

ДЖУЛЬЕТТА. Не знаю... Но зачем мне это все?
Он говорил о свадьбе? Говорил?
КОРМИЛИЦА. А голова-то, голова трещит!
Расколется на части, не иначе!
А спину-то, а спину разломило!
Меня ты порученьями уморишь.
Мое ли дело бегать взад-вперед?
ДЖУЛЬЕТТА. Ах, нянюшка, прости меня за все.
Но милая, родная, золотая,
Что говорит любимый?

КОРМИЛИЦА. Твой любимый... Как настоящий джентльмен, благородный, воспитанный, обстоятельный и, судя по всему, неспорченный, он сказал... Где ваша мать?

ДЖУЛЬЕТТА. Где мать моя? Где ж быть ей, как не дома?
Ты что наговорила? «Твой любимый,
Как настоящий джентльмен, благородный,
Воспитанный, сказал: «Где ваша мать?»?!
КОРМИЛИЦА. Помилуй Бог! Ты словно в лихорадке!
Такого ли компресса дожидались
Мои больные кости? Ну и ну!
Вперед сама работай почтальоном!
ДЖУЛЬЕТТА. При чем тут кости? Что сказал Ромео?
КОРМИЛИЦА. Пойдешь ли ты на исповедь сегодня?
ДЖУЛЬЕТТА. Пойду.
КОРМИЛИЦА. И у отца Лоренцо в келье
Тебя жених твой сделает женой.
А покраснела-то, а покраснела!
Одно словцо – и кровь уже кипит!
Поторопись. И я не без работы:
За лестницей пойду. Любимый твой
Взлетит по ней сегодня, чтобы ночью
С моей голубкой вить себе гнездо.
Я для тебя тружусь все дни подряд,
А ночью и тебя обременят.
Я есть хочу. Ступай...
ДЖУЛЬЕТТА. Навстречу счастью!
Прощай же! И спасибо за участие!

(Уходят.)

Акт второй. Сцена шестая

Келья брата Лоренцо.

Входят БРАТ ЛОРЕНЦО и РОМЕО.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Пусть небо улыбнется, наблюдая
За освященьем брака, чтобы мы
Потом себя не прокляли.

РОМЕО. Аминь!

Какое ни ждало бы нас проклятье,
Оно не сможет истребить блаженства
Одной минуты с ней наедине.
Священным словом руки нам скрепи,
И пусть их тут же смерть разъединит, —
Я буду счастлив, что успел невесту
Назвать своей женой.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Слепая страсть
Сгорает, ослепленная своим
Триумфом ложным. Порох и огонь,
Соединясь, взрываются от счастья.
Порою мед, до приторности сладкий,
Теряет на поверку всякий вкус.
Люби, но в меру, – будешь век любить.
Не в срок сойдет с дороги тихоход;
И слишком резвый к сроку не придет.

Входит ДЖУЛЬЕТТА.

А вот и наша леди. Не припомнит
Походки легче камень этих плит.
Любовь, она как воздух: кто влюблен,
Пройдет и по осенней паутинке.
Кто легкомыслен, тот и невесом.

ДЖУЛЬЕТТА. Святой отец, день добрый!

БРАТ ЛОРЕНЦО. Дочь моя,
Тебя Ромео поблагодарит
За нас обоих, что не опоздала.

ДЖУЛЬЕТТА. Но будет он и вас благодарить.
Легко ль ему придется?

РОМЕО. Если счастье
Твое, Джульетта, моему равно
И если ты, превосходя меня,
Еще способна говорить об этом,
То сладостным дыханием окутай
Гармонию взаимного блаженства,
Которая звучит в свиданье нашем.

ДЖУЛЬЕТТА. Страсть говорит на языке поступков,

Гордится не словесной мишурой,
Но сущностью своею. Только нищим
Дано учесть имущество свое.
А я богата: возросла любовь
Да так, что не учтешь и половины.
БРАТ ЛОРЕНЦО. За малым дело: вас соединить.
Ну, а пока не освящен ваш брак,
Одних вас оставлять нельзя никак.

(Уходят.)

Акт третий. Сцена первая

Городская площадь.

Входят МЕРКУЦИО, БЕНВОЛИО, ПАЖ *и* СЛУГИ.

БЕНВОЛИО. Меркуцио, пожалуйста, уйдем.
Того и жди, нагрянут Капулетти,
И потасовки нам не избежать.
Так жарко – поневоле вспыхнет кровь.

МЕРКУЦИО. А сам ты разве не из тех, кто, зайдя в кабак, бьет шпагой об стол, приговаривая: «Дай Бог тебе остаться в ножнах!» – и ни с того ни с сего сует ее под нос лакею, налакавшись?

БЕНВОЛИО. По-твоему, я из таких?

МЕРКУЦИО. Безусловно. Ты же итальянец. Горячность у тебя в крови. Ты до крайности горяч, а разгорячившись, доходишь до крайностей.

БЕНВОЛИО. Ты это серьезно?

МЕРКУЦИО. Более чем. Один такой, как ты, плюс еще один – в итоге ни одного: вы прикончите один другого в два счета. С кем только ты не враждуешь! И с тем, кто хоть на волос в чем-то превосходит тебя; и с тем, кто ест зелень, прямо глядя в твои зеленые глаза, – кому как, а тебе этого за глаза хватает для ссоры. Твоя голова начинена, как пирог дичью, самыми дикими поводами для рукопашной. Она у тебя и так изрядно вспахана рукоприкладством, не ровен час останется, как выеденный пирог, без всякой начинки. Не ты ли спустил собаку на прохожего только за то, что он спугнул ее своим кашлем? Или, может быть, не ты прибил портного, щеголявшего в пасхальном костюме задолго до Пасхи? А что ты сделал с тем несчастным, у которого новые башмаки не вязались со старыми подвязками? И ты еще вынуждаешь меня избегать ссор?

БЕНВОЛИО. Будь у меня такая драчливая репутация, как у тебя, мне бы никто не поверил в долг под простую расписку: через час с четвертью я бы оказался несостоятельным должником.

МЕРКУЦИО. Под простую расписку! Эх, ты, святая простота!

(Входят ТИБАЛЬТ *и* ДРУГИЕ.)

БЕНВОЛИО. Клянусь рукою, это Капулетти!
МЕРКУЦИО. Клянусь ногою, мне на них плевать!
ТИБАЛЬТ. За мной, друзья! Есть у меня два слова
Для одного из этих двух господ. —
День добрый...
МЕРКУЦИО. Вот и сказаны два слова!
Нельзя ль прибавить к ним один удар?

ТИБАЛЬТ. Дадите повод – с радостью.

МЕРКУЦИО. Что за радость – идти на поводу у других?

ТИБАЛЬТ. Меркуцио, напрасно ты подыгрываешь Ромео.

МЕРКУЦИО. Подыгрываю? Ничего себе! Разве мы похожи на менестрелей? Если уж мы заиграем, ты оглохнешь от нашей какофонии! Вот мой смычок! (*Указывает на свою шпагу.*) Ты у меня сам запоешь, черт побери! Подыгрываю!

БЕНВОЛИО. Остыньте, господа! Мы в людном месте.

Куда-нибудь идемте с глаз долой

Взаимные обиды разбирать

Иль вовсе разойдемся. Люди смотрят.

МЕРКУЦИО. А что им делать, если есть глаза?

Я не намерен никому в угоду

Отсюда уходить.

Входит РОМЕО.

ТИБАЛЬТ. Ну и не надо.

Явился тот, кто требуется мне.

МЕРКУЦИО. Пускай меня повесят, если он

По требованью твоему явился!

Ромео может удовлетворить

Одну твою потребность – в поединке!

ТИБАЛЬТ. Привет, Ромео! Ненависть моя

Уместится в два слова: ты – подлец!

РОМЕО. Привет, Тибальт! Причина, по которой

Тебя любить я должен, не дает

Мне права отвечать на оскорбление.

Я вовсе не подлец. Но мне пора.

Ты скоро все узнаешь.

ТИБАЛЬТ. Стой, мальчишка!

Ты оскорбил меня и должен смыть

Свою вину с оружием в руках!

РОМЕО. Как перед Богом, я не провинился

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.